СТРАНА РОССИЯ

*Вячеслав Запольских*

# В зерцале пермских вод

## *Каменное время Осы*

Когда подплываешь к Осе на теплоходе, над береговой линией открываются две доминанты: Троицкий собор и чертово колесо. Вокруг них естественно группируются старая и новая части города. Новой мы принципиально не заинтересуемся, разве что проедем на автобусе мимо гремящих попсой забегаловок и типовых жилых коробок, лишний раз убеждаясь, что всякое гордое желание сделаться немножечко Манхэттеном в наших широтах оборачивается неаккуратной репликой Гарлема.

А вот в старой Осе царит благолепная тишина, нарушаемая только негромкими постукиваниями молотков: хозяева усердно обшивают свои бревенчатые дома по фасадам аккуратными досочками, поправляют заборы — даже в выходной отнюдь не кучкуясь у магазинов, торгующих водкой. И самих-то водочных магазинов в старой Осе не расплодилось, а редкие покупатели интеллигентно ограничиваются чекушкой.

Пешеходные дорожки вымощены плиткой еще до революции, причем тротуар гидрографически грамотно выгнут дугой, так что луж и грязи бояться не приходится. Между тротуаром и проезжей частью — газоны с тщательно побеленными бордюрами и такими пышными цветниками из георгинов, гладиолусов, ирисов, которые пермский житель может позволить себе только на значительно удаленном от областного центра дачном участке. И ни один автодрандулет не смеет в Осе эти цветники утюжить колесами, поскольку пестуются газоны не муниципалитетом, а самими осинцами. Хорошим тоном считается частная инициатива по высадке деревьев. Растут в старой Осе липы, березы, рябины, лиственницы, почти с британской тщательностью подстриженные шиповниковые и вересковые кусты, а плебейских тополей почти нет. На пустырях, где так соблазнительно устраивать несанкционированные свалки, предусмотрительные обитатели близлежащих домиков разбивают мини-рощицы деревьев в десяток, и мусорных куч уже как-то не образуется.

Собаки по улицам бегают незлые, а кошки нежатся рекордно ленивые.

— Папа, — спросил меня малолетний сын, — неужели в Осе совсем нет гопоты?

— Помнишь, мы шли по мостику через ручей к церкви Казанской Божьей Матери, а в логу уже было накидано полно всякой пластиковой дряни? Гопота и здесь потихоньку заводится.

Но пока что — потихоньку. Причины нетипичной для нашей губернии патриархальной чистоплотности в какой-то мере могут отыскаться в изначальном тяготении

---

*Запольских Вячеслав Николаевич* — прозаик, публицист, живет и работает в Перми. В «Дружбе народов» публикуется впервые.

Осы скорее к Казани, нежели к Прикамскому краю. Но главное, город возник, в отличие от большинства уральских поселений, не возле горного заводика, а сам по себе, на торговом пути из европейской России в Сибирь. Поэтому население формировалось не из пришлых люмпенов, никакой собственно-сти не имеющих и потому ни свой, ни чужой труд не чтящих, даже принципиально выражающих свои хулиганско-революционные настроения в пакостничестве и безобразиях (от таковых пролетариев как раз произросла нынешняя наша гопота, гадящая в лифтах и паркующая свои «лендроверы» на газонах и тротуарах). Осинцы не пакостят, не хулиганят и революций устраивать не склонны. Их больше заботит возможность обихаживать собственное хозяйство и благоустраивать среду обитания.

Впрочем, осинцы падки и на шальное богатство, это тоже черта вполне купеческая. На другом берегу Камы, напротив Осы существуют какие-то пещеры, после строительства Воткинской ГЭС в них можно попасть, только ныряя, как граф Монте-Кристо. Местные жители верили, что в пещерах этих спрятан пугачевский клад. «Нет, — твердо заявляли ответственные товарищи. — Это остатки разработок медистого песчаника». Конечно, конечно. Был бы тут медистый песчаник — Оса не купеческим городком сделалась бы, а пролетарским поселением вокруг градообразующего медеплавильного производства. Но ведь сего не произошло. Так что версия о горняцких штреках — сознательно внедряемый миф. Чтобы народ дайвингом в ущерб здоровью не увлекался.

Печально, но в Осе имеется не только гопота, но и натуральные бомжи. Городские власти выделили им для бесплатного обитания вполне крепкий двухэтажный барак на самом живописном месте, на высоком камском берегу. Причем — на территории музея. Теперь бомжи разводят тут свои скромные огородики, сушат белье, а как поддадут — ломятся в музей за пищей духовной. Просят за бесплатно показать диораму. Или требуют допустить их до телефона, чтоб вызвать «скорую» (алкогольные суррогаты даром для здоровьишка не проходят).

Думается, старинный город еще долго и стойко будет оборонять себя от натиска цивилизации, как оборонялся от пугачевцев, военного поражения в открытом бою все-таки не потерпев. Зато игру на нервах, стратегию непрямых действий совсем по Лиддел-Гарту (подкат возов с сеном к деревянным крепостным стенам, «сейчас запалим!») осинцы не выдержали, ворота крепости открыли. Так что тихой сапой и эту твердыню благопристойности можно вынудить к капитуляции и отдать на поток и разграбление ларечникам и отмороженным автовладельцам.

Но старая Оса покуда держится, инерция традиций здесь чрезвычайно велика. Пройдет еще не одно десятилетие, прежде чем осинцы сообразят, что живут уже не при социализме. Их убаюкивает милый магнитофонный голос пермского теледиктора Григория Барабанщикова, с классовых позиций комментирующий батальную диораму «Взятие Осы Пугачевым» в местном музее. Попросите местных жителей рассказать вам об автохтонных мифах и легендах, о здешних, образно выражаясь, привидениях. «А как же!» — оживятся они и расскажут, что здесь бывала Крупская и жили родственники Ленина — Веретенниковы, а осинский уроженец Мышкин сделался секретарем Замоскворецкой парторганизации и подписывал членский билет Владимиру Ильичу («А вы, князь Мышкин, — шутливо обратился к нему Ленин, — собирались везти мой партбилет, так сказать, с доставкой на дом. Нехорошо, нехорошо! Да-с!» — «*Оса и Осин-ский район. Путеводитель. 1991*»).

Призраки прошлого, ржавыми цепями прикованные к революционным святцам, отнюдь не бесплотны, они по-прежнему бродят по улицам, упорно хранящим патетику марксистских эпонимов, сгущаются до осязаемости в постсоветских книжках краеведческой тематики, где привычно клеймится Колчак и публикуются воспоминания «Как я стал чекистом».

Почему-то осинцы предпочитают гордиться тем фактом, что здесь причаливал

агитпароход ВЦИК «Красная Звезда», ненадолго высадивший на твердь Надежду Константиновну. Бюст боевой подруги пролетарского вождя, льстиво запечатлевший ее этак в семнадцать девических лет, стоит во дворе роскошного здания в стиле рационального модерна — бывшей земской управы. Почему здесь не поставили памятник Любови Орловой, к примеру? Артистка тоже причаливала к осинскому брегу — на более известном, чем «Красная Звезда», пароходе «Севрюга». Вместе с Игорем Ильинским и прочей киногруппой фильма «Волга-Волга». Слава богу, одна из улиц носит имя Виталия Бианки, жившего здесь в эвакуации. Но какую-нибудь «Советскую» или «Интернациональную» не подумали переименовать в честь Соколова-Микитова. Или Мотыля, который «Белое солнце пустыни». Или Ботвинника. Мало кто ведает, что несколько страниц «Двух капитанов» тоже написаны в этих местах: Ботвинник зазвал Каверина к себе в гости в деревеньку Богомягково под Осой, где в 1943-м жила семья шахматиста.

В качестве аллегории неподвижности бытия в Осе совершенно естественно появились уникальные каменные часы. Не подумайте, что это действующие куранты с каменными шестеренками. Просто — монументальная стела, на которой обозначен циферблат всего с четырьмя отметками. Они обозначают не часы или минуты, а века. Первая веха — гляденовская культура II века н. э. Городище — археологический памятник, расположено прямо в историческом городском центре, но скрыто под помпезными мемориалами в честь пугачев-ского бунта, гражданской и Отечественной войн. Намертво вмурованные стрелки каменных часов указывают почему-то на XVII век, а не на XXI. Понятно, что каменные часы неподвижностью своей стараются всячески затормозить осинское время, но чем именно указуемое столетие оказалось значительным для Осы, неясно. Вроде бы после долгих дискуссий датой основания города признан 1591 год (а предлагались 1174-й, 1506-й, 1557-й, и все не без оснований), а знаменитый штурм осинской крепости Пугачевым имел место быть в XVIII веке. Создатели часов словно выбрали золотую серединку меж двумя знаменательными событиями, осторожность и тактика компромиссов никогда не помешают. А это ведь — качества коммерческие. То, что Оса в облике своем сохраняет черты именно купеческого города, замечал еще Бианки шестьдесят лет назад, да и по сю пору ее трудно воспринять как цитадель только нефтяного промысла.

Смешно сказать, но главные купеческие обороты обеспечивало здесь производство рогожных кулей. Несерьезно как-то, да? Но речная пристань, перевалочный статус города делали эту тару & упаковку весьма востребованным товаром. Обжиг кирпичей занимал лишь третье место, но если и сейчас взглянуть на заборы старинных каменных особнячков, можно догадаться, что кирпичиков в Осе производилось видимо-невидимо, иначе с чего б эти заборы превращались в длинные и толстенные, поистине крепостные стены, да еще с нарядным декором, только башен с бойницами не хватает... Не жалели стройматериала.

Каждый сохранившийся особнячок — произведение архитектурного искусства, вообще в Осе умели и любили строить красиво. Своевременно улавливая новые зодческие веяния. Про рациональный модерн земской управы мы уже упоминали, но есть здесь и еще одна модерновая постройка, бывшая земская школа — такое здание и в Перми — краевом центре, оказалось бы достопримечательностью, иллюстрируя стилистическую эволюцию от Кирилло-Мефодиевского училища («Муравейник») до Казанской церкви (усыпальница Каменских). С проклятым наследием прошлого вроде красивых и крепких каменных домов никто в Осе, слава Богу, бульдозерами не боролся, все они находятся в ухоженном состоянии и используются в основном под образовательные учреждения.

Менее состоятельные осинцы и деревянные свои жилища превращали в терема, оглядываясь на каменные хоромы соседей. Надстраивали дощатые парапеты над фасадами, а по бокам их сооружали некие фигуры, в которых, при некотором

напряжении фантазии, можно узнать деревянные аналоги каменных вазонов того же модерна. Приятно и поучительно видеть сегодня в Осе, что коттеджики из элитного кирпича и газобетонных блоков, с непременными башенками из учебника «История средних веков», огораживаются рабицей, а у стареньких, но заботливо подновляемых деревянных домишек курдоннеры обнесены оградами из кованого металла. Богатенькие адепты неороманского стиля не постигли пока, в чем главный заборный кайф.

Судьба старинных деревянных зданий внушает больше опасений, чем каменных. Старая Оса застроена довольно-таки плотно, всунуться в архитектурную среду с коттеджиком затруднительно. Шелестят слухи, что потенциальные застройщики прибегают к методу «красного петуха», чтобы освободить местечко. Поиски деревянного, богато украшенного по фасаду дома купца Чердынцева привели нашего репортера к свежему пожарищу.

Иногда окаменевшее осинское время позволяет себе прилаживаться к самым современным изохронам. Один боевой генерал, осинский уроженец, в свое время к радости местной детворы прислал пару экземпляров боевой техники: танк (да не расхожую «тридцатьчетверку», а гигантский «ИС-2») и истребитель «Су-9». Сперва они стояли во дворе музея, а потом самолет решили переместить в парк аттракционов. Выволокли его на дорогу и бросили в ожидании транспортных согласований. Это в период-то всеобщей охоты за цветными металлами, ха-ха. Наутро самолета уже не было и дальнейшая судьба его неизвестна. На тяжелый танк, впрочем, никто пока не покусился. Однако каменные часы могут в очередной раз тикнуть, количество гопоты на душу осинского народонаселения возрастет, и прости-прощай, броня крепка...

Традиции купеческого размаха сегодня слабо подкрепляются крепостью финансового мускула. А так хочется размахнуться... Мемориал по поводу пугачевских событий в советское время отгрохали хоть безобразный, но амбициозный, опять-таки диораму заказали в мастерской им. Грекова — для райцентра раздувание щек предельное, да к тому же имеется диорама в музее природы, говорят, самая большая в Европе. Пермских художников Николая и Людмилу Зарубиных, над этой диорамой работавших два года, осинцы до сих пор вспоминают с уважением. Композиционно она решена так, что в ней органично представлены и времена года, и каждый суточный период, а если спуститься в подвальчик на несколько ступенек, то можно заглянуть в подводный мирок осинских водоемов. Диорама обрастает собственными легендами: «Вот этого медведя к нам привезли из Ленинграда в 1947 году, а все остальные чучела — местные. У нас даже японцы бывали, иероглифы свои оставили, означающие, что — понравилось».

Однако слайд-фильм, который, по замыслу художников, должен сопровождать экскурсии по диораме, «поломался», да и звуковое сопровождение барахлит. На крышу музея природы ведет винтовая лестница, там думали установить телескоп, да денег не хватило. Между музеем природы и музеем краеведческим громоздятся бетонные монолиты, из коих торчат проржавевшие железяки. Это постаменты для несостоявшихся памятников Пугачеву и Салавату Юлаеву. Жаль, что не состоялись (опять средств не хватило), а то ведь забавные могли получиться: постамент под Пугачева раза в два больше, причем вождя крестьянской войны намеревались увековечить пешим, а Салавата Юлаева рядом с Большим Братом, хоть и на коне, но неполиткорректно маленьким. Со стороны Камы эта композиция смотрелась бы оглушающе карикатурно.

Краеведческий музей расположен в перестроенном здании классицистического Успенского собора. Богатый когда-то был храм, на полу дубовый паркет, иконостас золоченый. Главный акцент экспозиции — пламя крестьянской войны, без каких бы то ни было попыток хоть мало-мальски переосмыслить бессмысленность и беспощадность. Видимо, для осинцев это — святое. Основной аутентичный экспонат — сучковатый посох пугачевского разведчика, внутри которого спрятан стилет. Сокро-

вище передавалось из поколения в поколение в семье Бегуновых, пока частинский учитель и краевед, представитель этой фамилии, не уступил многолетним уговорам осинского райкома и не поменял подлинник на специально изготовленную копию. А самый забавный экспонат — живописный портрет пугачевца, писанный современным художником с офицера военкомата. Н-да. Характерный разбойный генотип и за двести с лишним лет не повыветрился...

Пермский художник Евгений Широков преподнес музею портреты как самого Емельяна, так и Салавата (опять — пеший и конный, большой и поменьше), а также историческое полотно, посвященное пребыванию в Осе Витуса Беринга, зимовавшего здесь перед броском на самую восточную оконечность Евразии.

Соседствующее с музеем здание, также отмеченное классицизмом, отреставрировано «на пять», я сперва даже думал, что музей именно здесь и расположен. Наивный. Тут — отделение федерального казначейства. А невдалеке имеется даже ротонда. Архитектурный стиль ее, правда, неопределим: плоская крыша лежит на железных трубах, но ведь — ротонда! И вид из нее на камские дали открывается великолепный.

Главный памятник осинской мегаломании — Троицкий собор. Размерами своими производил бы впечатление вулкана, внезапно выпертого подземными стихиями на плоскую земную поверхность, если б не первоклассные архитектурные достоинства (русско-византийский стиль) и богатый фасадный декор лекального кирпича. Приятно, что проект делал пермский архитектор Турчевич, а строили местные умельцы. Но до революции достроить не успели, а, судя по сохранившимся документам, он должен был оказаться еще величественнее и краше. При советской власти так и не смогли полностью использовать под атеистические хознужды его громадные площади внутренних помещений. Теперь он стоит вовсе брошенный, только местные жительницы иногда проникают под купола, чтобы наскрести голубиного помета — лучшего огородного удобрения. Мною были обнаружены несколько свежих кровельных листов, положенных на крышу, а кое-где — подмазка свежей краской. Следы недавних выборов. У одного из кандидатов на должность главы местного самоуправления доверенным лицом была певица Екатерина Шаврина, так она выступила с речью в том смысле, что во многих странах была, но нигде такой красоты не видела, а потому дает наказ отреставрировать храм. Тут-то его и начали подмазывать, но победу одержал другой кандидат, так что как начали, так и бросили.

На вопрос «А кто же у вас теперь глава района?» представители старшего поколения даже не пытаются изображать на лице гримасу воспоминательного усилия. «Пусть, — говорят, — они там сами среди себя хоть кого выбирают, лишь бы нас не трогали». Трудно сказать, проявление ли это традиционной купеческой аполитичности, или позднейший советский пофигизм. Во всяком случае, богомольные местные старушки с гораздо большей заинтересованностью относятся к своим духовным пастырям и, говорят, не одного священника уже «съели», при малейшем прегрешении накатывая «телеги» в епархию.

И, наконец, о загадочной этимологии самого слова «Оса». Современные исследователи выводят его из вогульских, арабских корней, даже из русского «ось» (в смысле тележная). Инсектоидная версия популярностью у ученых не пользуется, к ней относятся с иронией. А зря. Во время нашего пребывания в Осе этих самых полосатых хищных насекомых порхало видимо-невидимо!

## *Добрянка — ягодка опять*

— Папа, — спросила дочь, — Добрянка старше Перми?

— Старше.

— Она уже была столицей Пермской области?

— Нет, не была.

— Значит, еще будет.

Время не раз ставило этот населенный пункт на грань захирения и забвения, но счастливые случаи каждый раз не давали Добрянке раствориться в небытии периферийной малозначительности. Градообразующая краса и слава, — металлургический завод, — ушел под воду после строительства Камской ГЭС. Недальний городок-завод Чермоз в такой ситуации обезлюдел, а Добрянке судьба улыбнулась: здесь построили домостроительный комбинат. Сырья было хоть отбавляй, бурно вырубался лес с будущего дна Камского моря. Но «зеленое золото» в окрестностях поистощилось, а ДСК в первые же постперестроечные годы обанкротился. Зато уже вздымались над рекой 330-метровые трубы ГРЭС. Между прочим, крупнейшую (тогда) в Европе тепловую электростанцию собирались строить сначала на Косьве, потом возле поселка Бор-Ленск, но Добрянка опять чем-то приманила судьбовершительные силы и безоглядно шагнула в свой урбанистический период, принявшись оптимистично обрастать панельными многоэтажками.

Ничто не вечно под Луной. Ярино-Каменноложская нефть когда-нибудь исчерпается. А умелой акционерной рукой можно взять и положить на бок даже громады энергоблоков. Однако думается, что Добрянка сумеет найти новые ответы на очередные вызовы истории. Ведь место это непростое, несколько загадочное и не лишенное мистических свойств.

Представьте: все православные лояльно празднуют Радоницу, а жители Добрянки отправляются на гору Мендач и устраивают там языческое беснование под этимологически непостижимым названием «кашке-плишке». Средневековые ритуалы и ведьмовские заговоры практиковались тут до конца просвещенного XIX века. А может, и до середины XX. Чем, если не воодушевлением инквизиционного изуверства, можно считать доблестное раскрытие в глухой деревне Таборы организации румынских шпионов?

На Комаровской горе, доминирующей над старой Добрянкой, с 1836 года стоит Свято-Митрофаньевская церковь. Деревянная, она была построена в рекордные сроки, за пять месяцев. Хоть это, конечно, и не «уральский Афон» на Белой горе, но и в ее ауре отчетлив вектор благодатной связи с надмирными сферами. И нечто, имеющее отношение к чуду, в летописи этого храма запечатлено. После празднования Рождества в 1938 году церковь закрыли. Но местный житель Антон Николаевич Лузин, несмотря на свой восьмидесятитрехлетний возраст, дважды ездил в Москву и добирался до самого Калинина. И произошло невероятное, удалось добиться разрешения вновь открыть храм. К октябрю того же года он снова стал действующим.

Уже в наши дни здесь служил отец Григорий (Ахидов). Говорят, каков поп, таков и приход. Так вот, при отце Григории прихожан у Свято-Митрофаньев-ской церкви было по советским меркам неслыханное количество. Довелось увидеть фотографию священника. Библейское облачко бороды, очки с сильными диоптриями, и какое-то излучение многомудрия и простоты, заставляющее мысленно проецировать это лицо на кипарисовую доску — если в том нет кощунства. Закончил свое служение отец Григорий не в Добрянке, а в поселке Юг, там и похоронен. Между прочим, в день его памяти все священство области имеет обыкновение приезжать на его могилку. Добрянцы, помнящие своего пастыря, называют его подвижником, не рискуя покуда употреблять преждевременный к этому слову эпитет. Не рискнем и мы, но, может статься, память отца Григория когда-нибудь будет почитаться не только его бывшими прихожанами.

А вышеупомянутый снимок хранится в летописи Свято-Митрофаньевской церкви, хронику из года в год пополняют члены приходского совета. История храма здесь запечатлена с 1888 года, с протоиерея Иоанна Орлова, приложена даже дореволюционная фотография батюшки вместе с семьей. Есть тут и фото «ходока» Антона

Лузина, и снимки чуть ли не всех пономарей, чтецов, псаломщиков, регентов, казначеев, просвирников и т. д. и т. п.

В середине позапрошлого века скромная провинциальная барышня, писать которую научил грамотный крепостной мальчик, до того увлеклась каллиграфическим процессом, что стала сочинять рассказы. И даже осмелилась послать их в столичные литературные журналы. Конечно, совершенно не надеясь на успех. А их взяли, и напечатали: Некрасов в «Современнике» и Салтыков-Щедрин в «Отечественных записках». Самое настоящее чудо, особенно если судить по нынешним литературным временам.

«Новая» Добрянка отмечена своими собственными тайными знаками. Ну почему — чем дальше от областного центра, тем халтурнее строители соблюдают технологию? Вот и приходится заново замазывать швы между бетонными панелями современных жилых домов, да заодно и трещины на самих панелях, отчего кажется, будто фасады украсились апотропеическими орнаментами жучков-древоточцев; в причудливых шрифтах этих тератологических дацзыбао самоуверенный визионер прочтет зашифрованные письмена, предрекающие сокровенное будущее Добрянки.

Еще одна странность: этот населенный пункт, подобно Перми, «отвернулся» от Камы, хотя, казалось бы, всеми своими архитектурно-ландшафтными элементами должен быть ориентирован на речную красоту и динамику. Так нет же. Как Пермь встала к Каме затылком, а к убегающему в Азию Компросу — лицом, так Добрянка челом бьет сквозной Билимбаевской, ныне Советской, улице, а те здания, которые рискнули обернуться на реку, постигла злая судьбина.

Вроде бы лет десять с небольшим прошло с тех пор, как прекратилось судовое пассажирское сообщение с Добрянкой, но речной вокзал, чьи классические колоннада и фриз так гордо демонстрировали себя подплывающим путешественникам, обветшал до акропольной руинности. Невдалеке на берегу помаленьку рушится еще одно старинное здание. Судя по табличке, сохранившейся на разоренном фасаде, тут была библиотека. А если нашего репортера не подвели навыки источниковедческого анализа, в XIX веке в нем располагалось волостное правление.

Наконец, памятник архитектуры, контора Добрянского металлургического завода, также построенная на связностях «архитектура — речная стихия», подверглась к 380-летию города весьма выборочному реставрированию. Здание подбелили и подкрасили с трех сторон, а фасад, обращенный к Каме, так и оставили обшарпанным. Да, и еще окна заколотили металлическими листами, чтобы не видна была царящая внутри мерзость запустения.

Нашим репортером подмечена еще одна малопостижимая особенность, свойственная современной Добрянке. В районах панельной застройки нетрезвая молодежь чрезвычайно оживлена и энергична, если и присядет отдохнуть (за неимением патриархальных скамеечек) на придорожные металлические ограждения, то тут же совершит головокружительный кульбит, но скоренько с земли поднимется и опять на оградки лезет. А поодаль, за руинами речвокзала и волостного правления, на камском бережку пьяные подростки заторможены до чрезвычайности. Некоторые лежат и совершенно не шевелятся, а иные, впрочем, чего-то мычат и пытаются удержаться хотя б в сидячем положении. Но на окраине, этак в деревенском районе Комарово, подрастающее поколение трезвомысленно погружено в хозяйственные хлопоты, и умилительно видеть, как мальчишечка с просветленным ликом гимназиста, уверенно шагающий к похвальному листу, трудолюбиво везет к отеческим грядкам алюминиевую флягу с водой на самодельной тележке; во внутреннем мире его звучат пассажи Листа и перелистываются страницы Шопенгауэра, и бесконечно далек от такого парнишечки урбанистический панельный центр Добрянки с мишурными соблазнами цивилизации в виде баночного пива, «Иванушек International», лазерного шоу и новенького здания милиции, решенного в стиле романского казарменного сортира с

башенками. Почему-то такие полудеревенские парнишечки, праправнуки крепостных заводчан, но с породистым генотипом интеллигентов в –надцатом поколении, по окраинным избяным Комарово, Задобрянке, Рынку (ударение на последнем слоге) встречаются в изобилии, а вот в средоточии культурно-градостроительных достижений... Там шрапнелями носятся злющие осы и даже земля почему-то не родит. Навстречу фестивалю исторических городов Прикамья возле помпезной многоэтажки киноконцертного зала высадили аллейку молоденьких елочек, можжевельников и липок, а они тут же начали рыжеть и сохнуть. Рядом с автовокзалом обнаруживается совершенно загадочная зона. Вроде как комплекс газонов с аккуратно побеленными бордюрами и тропками, выложенными тротуарной плиткой. Земля на газонах идеально разровнена граблями. Но тут ничего не растет. Даже сорняк не решается побег пустить.

Зато в центре композиции на небольшом пьедестале покоятся три каменюки иномирно-метеоритного вида. К одной привинчена мемориальная доска. Опыт подсказывает, что сейчас прочтешь: «Здесь будет воздвигнут...». Как бы не так. Попытайтесь с трех раз догадаться, что за руны судьбы там высечены. Впрочем, и не пробуйте. «Память всегда на службе у сердца». Без подписи. Будто кто-то свыше надиктовал на скрижаль.

Этот артефакт, без сомнения, являет собой одну из сокровеннейших загадок современной Добрянки.

И все же она очаровывает — со своими снобистскими плиточными — или деревянными в три доски — тротуарами, с улицами, упирающимися в необходимость карабкаться метра на четыре вверх по ступенькам, лопатой вырубленным в крутеньком угоре. С плоским асфальтом центральной площади и театральными амфитеатрами всхолмленных окраин, где над крышами привольно расползшейся разномастными пристройками избяной усадебки нависает кубический коттедж из элитного кирпича. Добрянка пронизана водой: одноименной речкой, сходящимся с ней под углом Вожем, барочной волютой камского залива, струнко ручья, текущего по Сладкому Логу. Мосты и строгановская плотина завершают аллюзии с Канале Гранде и Порто-Маламокко, так что реклама санатория «Венеция» уже не кажется бессовестно амбициозной.

Фамилии добрянских граждан автохтонной фонетикой своею ласкают местно-патриотический пермский слух: Волеговы, Шехурдины, Кирпищиковы, Дощенниковы, Юшковы, Плюснины, Туневы, Сюзевы... Последний nomen gentile запечатлен на самом видном из старых надгробий кладбища в ограде Свято-Митрофаньевской церкви. Чугунные намогильные плиты несколько стандартного дизайна (пухлощекие ангелочки с голубиными крылышками, растущими из ушей) во множестве отливались на заводе, но памятник И.Т. Сюзеву, первому добрянскому учителю, поставили самый роскошный, в виде саркофага, богато орнаментированного металлическими гирляндами и кистями. А сын этого строгановского крепостного, Павел Иванович Сюзев, прошел все ступени завод-ской службы и с 1877 по 1893 (год смерти) был управляющим Добрянского железоделательного завода. Изобрел новые листокатальные валки — с закаленной поверхностью, учредил в крае телефонную связь, свою богатую библиотеку передал пермскому музею, был первым краеведом Добрянки, членом различных научных обществ и неоднократным гласным губернского земского собрания. Даже в наши дни, учреждая институт почетных граждан Добрянки, П.И. Сюзева внесли в список под №1. Именно по его эскизу была построена ставшая геральдическим символом города часовня во имя Святого Благоверного князя Александра Невского.

Часовню в честь чудесного спасения царской семьи Александра III (при известном крушения поезда) на свои средства отлили и смонтировали завод-ские мастеровые. Именно «отлили» и «смонтировали», потому что она была чугунной. Литье доб-

рянской узорчатости стоит вровень с каслинским, не случайно чугунная часовня ассоциируется со знаменитым павильоном, произведшим фурор на Парижской международной выставке и ныне хранящимся в Екатеринбургской галерее.

Сперва хотелось написать, что добрянские художественные изделия из чугуна по достоинствам своим идут сразу вслед за Каслями, но ведь соседское литье своей ажурной деталировкой и выбором персонажей подмигивает европейскому вкусу, а пепельницы, подставки под самовары, рамки для зеркал, полочки, садовые скамьи и столики, сделанные в Добрянке, следуют традициям невычурного уральского стиля. Их объемы обдуманно солидны и коренасты, аки купеческие особняки, даже заемные орнаментальные пальметты мясисты, наподобие лопухов. Отливки не идею невесомости транслируют, а принцип увесистой надежности олицетворяют. Стоит взглянуть на воротные кольца и дверные ручки из добрянского чугуна, хранящиеся в местном музее, чтобы еще раз анафематствовать аналогичный товар, ныне тотально торгуемый в магазинах «для дома»: все эти рукояточки пищат о своей тайваньской шикарности и турецком стиле bazart; взяться не за что, одна скользкая дешевая блескучесть.

Вот и часовня-памятник являла собой типически местный пример понимания красоты и технологичности. Никаких иноземных роскошеств, чистота стиля и лаконичность декора. В 1932-м, понятное дело, этот шедевр разгрохали и пустили в переплавку, а в конце века вздумали восстановить. Как бы не так. Ни одно российское предприятие уже не взялось скопировать старинное литье, умения не хватило. Пришлось пустить в дело кирпич, а чугунными в новоделе оказались только памятные доски с фамилиями благодетелей, от дореволюционных мастеровых до губернаторствовавшего на тот момент Геннадия Игумнова. Но и эта неаутентичная копия на удивление быстро прижилась на святом месте оригинала, схватилась за здешнее пересечение силовых линий исторической памяти и географической мистики. Молодожены уже облюбовали объект для обязательного посещения в маршруте свадебного кортежа, изображение часовни вернулось в добрянский герб. Правда, кресты на часовне уже не зеркальные, как когда-то, а купола не облеплены звездочками…

Ну, 1932-й, — понятно, но зачем в начале восьмидесятых понадобилось сносить особняк одного из управляющих заводом, вполне симпатичный, судя по сохранившимся фотографиям? Еще одна региональная загадка. Ну почему красивейшим старинным зданиям никак не находится современного достойного применения — как пермскому пивзаводу на Сибирской, как добрянским речному вокзалу, волостному правлению, заводской конторе?.. В конторе до 2000 года находилась некая уникальная винтовая лестница, выполненная по проекту того же Павла Сюзева. Так что ее гибель пришлась прямо на наши просвещенно-цивилизованные дни. Причем книга краеведа М. Калинина из серии «Пермский край» как-то очень уж околичностями упоминает про новейший акт вандализма: судьба лестницы «оказалась весьма печальной». Наверное, просто выбросили — подобно «лесенке в небо» в пермском «доме чекистов».

Про уничтоженный Графский сад, от которого осталась купа деревьев на берегу залива да парковые чугунные львы в музее, говорят, что он помешал выходу автотрассы на Соликамский тракт, которую сперва хотели вести через Вож и Задобрянку, а потом все же пустили почти кавказским серпантином по гористому берегу пруда.

А вот слухи про бывшую Рождество-Богородицкую церковь, соседствовавшую с Александровской часовней. Здание, которое использовалось как районный Дом культуры, ныне вполне может быть освобождено, поскольку построен новый Центр творчества. Но два кружка в перестроенном и лишенном колокольни и купола храме до сих пор квартируют, и это — повод, чтобы не возвращать церковное имущество законному владельцу. Неподалеку, на Рынке (ударение, напомним, на последнем слоге) недавно перестроили под храм Иоанна Богослова здание детского сада, так что у

церкви Рождества Богородицы, если ее восстановить, могут оказаться проблемы с паствой. Впрочем, здание в стиле классицизма, возводить которое начинали еще на деньги Строгановых, может, как и часовня, легко подманить прежних ангелов, курировавших его до наступления атеистических времен.

Вернемся к династиям именитых добрянцев. Фамилия Вологдиных, хоть и указывает на русский север, откуда шло заселение прикамского края, в памяти местных жителей занимает место не менее почетное, чем когномены, звучащие истово по-пермски. Петр Александрович Вологдин, сын крепостного мастерового, не только выучился в московской земледельческой школе Строгановых, сделался изобретателем, редактировал «Пермские губернские ведомости» и создал знаменитые очерские солнечные часы, но, главное, произвел на свет четырех сыновей, каждый из которых стал ученым профессором. Имя самого известного из них, Валентина Петровича Вологдина, носит улица в Петербурге и НИИ токов высокой частоты.

В двадцатые годы прошлого столетия, когда добрянский металлургиче-ский завод дышал на ладан, последним заказом стал уникальный прокат толщиной 0,03 мм для генераторов высокой частоты, создававшихся Валентином Вологдиным. Эти генераторы позволили построить радиостанцию, установившую связь с Америкой (в самой Добрянке, кстати, тогда радиовещания не было). После своего научно-промышленного триумфа старый завод опустел, потом воспрянул было в пятилетки индустриализации, а 17 января 1956 года завод-ской будильный гудок издал в последний раз звук, показавшийся его ветеранам рыданием.

Но добрянцы до сих пор помнят, что их железом крыты Зимний дворец и Новодевичий монастырь.

## *На орбите Глядена*

### *В поисках замурованного времени*

«Дорогие друзья! К вам обращаются учителя и ученики 1968 г. Мы гордимся тем, что являемся очевидцами начала покорения космоса, и немного завидуем вам: вы, возможно, побываете на других планетах».

Если б вместе с «капсулой времени», вмурованной в стену школы, на сорок лет вперед перенесся тогдашний житель Нижних Муллов, ему бы могло показаться, что он действительно очутился на другой планете.

Все вроде бы прежнее, холмы и луга, и распростершееся над Камой блеклое уральское небо. Но на господствующих высотах приземлились, как марсианские корабли, тяжелые красные кубики — особняки из первосортного кирпича, демонстрирующие нечеловеческий художественный вкус инопланетян: полное отсутствие архитектурного изящества и принципиальный отказ от фасадного декора. Враждебная цивилизация чужда красоте, ее идеал — экономная целесообразность и бастионная неприступность. Все излишества безжалостно оптимизируются.

Немцы на оккупированных территориях сохраняли колхозы. Инопланетные агрессоры с идеологической непримиримостью уничтожили совхоз «Большевик». Кирпичный завод взорван, освободившаяся территория расчищена-заутюжена и на ней вот-вот рассядутся новые красные кубики.

Герберт Уэллс в «Войне миров» отправил покорять Землю боевые треножники с губительными тепловыми лучами. Братья Стругацкие во «Втором нашествии марсиан» показали, что брать нас можно голыми руками, только обеспечь даровым минимумом материальных благ. Жизнь оказалась смелее фантастики. Не понадобилась ни вооруженная сила, ни задабривающая дармовщинка. Просто те же самые одно-

сельчане, которые вчера призывали включаться в соцсоревнование, однажды сказали: с сегодняшнего дня мы, товарищи, живем на другой планете.

Обошлось без великого противостояния.

«Мы живем в грозный век, когда то тут, то там распоясавшиеся милитаристы разжигают новые очаги войны. Сейчас мы всем сердцем с борющимся народом Вьетнама».

В музее школы в Петровке целый стенд занимают фотографии «афганцев» и «чеченцев» — выпускников, которым без всяких посторонних разжигателей, незаемными политическими ибицеллами был уготован огонь войны. Романтический пришелец из 1968-го просто не смог бы уяснить, зачем нижнемуллин-ских ребят нужно посылать с миротворческой миссией на границу Грузии и Абхазии.

А народ Вьетнама за место на российских базарах бороться не стал, велено было убираться — куда-то делись, перешли, наверное, на партизанские хорошо освоенные методы.

«В 1980 году наша школа будет утопать в зелени и цветах. Мы гордимся тем, что первые деревья посажены нами. Стало традицией: каждый выпускник имеет свое дерево».

Учитель биологии Игорь Александрович Шаровский вместе с ребятами на краю села создал огромный плодовый сад. Спустя некоторое время по просьбе руководства совхоза «Большевик» сад выкорчевали под строительство коттеджей, перенесли его ближе к школе. Она, между прочим, летом вполне утопает в зелени радиально расходящихся аллей. Старый биолог умер, его внук Андрей Владимирович Вотинцев преподавал информатику, водил детей в походы по окрестностям и на досуге делал чучела. Потом таксидермия из хобби стала профессией. Бывший учитель и сам с ружьишком бродит по лесам, и знакомые ему свою добычу приносят. Сделанные на заказ чучела медведей и волков, вероятно, приносят побольше дохода, чем школьная служба.

«На страже порядков в школе и на селе стоят ЮДМ и оперативная комсомольская группа».

По вечерам на ступеньках Дома культуры попивает пиво допризывная молодежь. С недавних пор за пиво и сигареты их стали гонять с дискотеки, вот они и кучкуются у дверей, потому что главное ведь — не танцы и не «умца-умца» попсовых децибел, а роскошь человеческого общения.

*«Гордостью нашей школы является музей Владимира Ильича Ленина, и мы надеемся, что вы продолжаете сбор материалов о жизни любимого вождя»*.

Надейтесь... Если и продолжается какой-то сбор, то налогов, процентов по кредитам и пустой стеклопосуды.

На дороге стоит космической расцветки «Калина», все четыре дверцы распахнуты, а возле нее покуривают и перекрикиваются со своими мобильниками четыре упитанных девицы не первой молодости. То ли изрядно подвыпившие, то ли не способные вести себя пристойно и на трезвую голову. Увидев редкого прохожего, бесцеремонно подзывают его и, шелестя компьютерными распечатками, отпуская шуточки, выясняют, где тут находится дом номер такой-то и проживает гражданин этакий.

Что за девичий десант? А это, предполагают местные жители, или из налоговой, или из банка — проценты по кредитам приехали выбивать. Но что-то девицы мало похожи на офисных обитательниц, больше смахивают на боевых подруг братков, которые своими пуленепробиваемыми кожанами и мятыми тренировочными штанами создали незабываемый стиль прет-а-порте девяностых годов. Десять лет прошло, браткам самим некогда раскатывать по лохам, они теперь взирают на них с предвыборных плакатов, в полиграфический формат которых тренировочные штаны, слава Богу, не вмещаются.

— А я всех знаю, про кого они выспрашивали, — сообщает невольный информа-

тор боевых подруг. — Это все мужики совершенно спившиеся. Но еще при жилплощади.

Потенциальные жертвы предполагаемых риэлторов обитают в крепких каменных домах на несколько квартир, в давние времена построенных кирпичным заводом для устраивающихся на работу лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Недурственные хоромы. Если, пьяниц выкинув, в порядок недвижимость привести, любой богатый пермяк с лапочками возьмет, потому как расположены в центре, возведены отнюдь не с марсианской голой рационально-стью, а главное, достанутся уже с наследственными привидениями. Не холодный необжитый новострой, который еще поколениями заселять семейными преданиями и местночтимыми суевериями.

К спившимся мужикам, которые в частном секторе, в избах живут, никто не приезжает, внимания не оказывает. Подобные избушки превращаются в алкогольные коммуны. Допустим, умерла у мужика жена, он с горя запил, хозяйство запустил, к нему перебрались на житье постоянные собутыльники, и вот вам хата, которую с первого взгляда от прочих отличить труда не составляет. Прежде всего, по выбитым оконным стеклам, которые зимой затянуты полиэтиленом.

Население Нижних Муллов делится на две категории. Первые ездят на работу в Пермь. Вторые, как выразился сатирически настроенный старожил, в организованном и массовом порядке пьянствуют. А где деньги на пьянку берут? Так вокруг дачные места. И пункты приема цветных металлов в селе имеются? Само собой. Приметливые люди назовут 24 адреса, по которым разводится и разливается желающим вроде как спирт, привезенный в пластиковых бутылях с рынка «Гача». Ого, смотри, потащили алюминий сдавать, друг друга плечами подпирают!

### *Трифон Вятский как административный ресурс*

В кабинете главы нижнемуллинской администрации висит объемный макет генерального плана развития села. Выполненный в советскую эпоху из фанеры, ватмана и пенопласта. Изрядно устаревший. Его даже на помойку выкидывали. Нынешнее руководство подобрало. Во-первых, история. Во-вторых, старый генплан вполне может послужить для выработки перспектив современного развития.

— У нас же не хуже, чем в курортной Усть-Качке, — нижнемуллинское начальство кивает в сторону кабинетного окна, за которым открывается живописный изгиб Камы и полоска несколько подгаженных промсооружениями правобережных лесов. — Только мы не столь «упакованы». Усть-Качка лучше раскручена. Но разрабатывается программа социально-экономического развития села. Будем возрождать древние промыслы, тканье половиков. В Академии живописи, ваяния и зодчества проектируют лестницу, скамьи рядом со «святым» источником Трифона Вятского.

Начальство прочло «Чердынь — княгиню гор» и теперь погружено в роман про Чусовую «Золото бунта». А у автора этих исторических произведений, Алексея Иванова, любимый персонаж как раз Трифон Вятский. Нижнемуллинскому истэблишменту очень хочется заполучить Иванова на этнографическое действо, которое при содействии фонда «Нанук» решили проводить в устье Мулянки, как раз там, куда приплыл первый пермский святой, чтобы срубить священную ель язычников, такую огромную, что на пне ее могли развернуться сани. Потомки язычников из Кудымкара и Кирова заявили о намерении приехать в гости, принять участие в научно-практических камланиях под сенью Гляденов-ской горы.

Известно, что наша земля стала восприниматься частью Руси отнюдь не со времени ее освоения переселенцами и христианизации местных племен. Край стал окончательно нашенским, когда появился сугубо местный святой. Это и был Трифон Вятский. Главным чудом и подвигом его жизни стало следующее событие. Лодка

Трифона без весел двигалась по Каме против течения, пока не пристала к берегу возле устья Нижней Мулянки. Именно там росло гигантское идоложертвенное дерево, которому поклонялись остяки и вогулы. Считалось, что даже посмеяться над этим деревом нельзя: такой человек обязательно заболеет и умрет. Трифон же рискнул вовсе его срубить, и остался цел и невредим, а местные племена, как гласит легенда, в восторге обратились в христианство.

Пусть к Глядену можно доехать и через Савино, все равно «святой» ключ, равно как и знаменитое Гляденовское костище, в Нижних Муллах считают своими. К моменту проведения акции «Гляденовские встречи», то есть к концу марта 2007-го, дороги сделались непроезжими, и под Гляден, к устью Мулянки, добраться автотранспортом стало нереально. Бревенчато-брезентовый чум установили между Домом культуры и администрацией. Запалили костерок, глядя на который, приглашенный специалист по язычеству гортанно тянул «Йоооооооооооооооо!». Автобусы привезли иногородних гостей. Слышалась разноязыкая речь. Монголоидные дети детсадовского возраста пытались аутентично стрелять из луков, но опозорились. Автору этих строк вручили шаманский бубен и велели стучать. Автор этих строк тоже опозорился. Научно-практическая конференция собрала не последнего разбора историков. Вздыхали: оказывается, подавляющее большинство местных жителей ведать не ведает про Гляденовское костище. А ведь существуют, оказывается, такие географические карты, на которых наш край отмечен всего двумя точками: Пермь и Гляден. И больше ничего.

— И что это здесь у вас? — к чуму приближается одышливый местный житель едва не двухметрового роста.

— О, хорошо, что вы заинтересовались, подошли — сейчас как раз ищут, кого бы принести в жертву.

### *Родина пещерного носорога*

Если Рим, Константинополь, Москва и Пермь стоят на семи холмах, то Нижние Муллы, кажется, на семидесяти семи. Земля вспучена, изогнута, обморочно запрокинута; четырех- , а то и больше «мерная» здешняя топология сногсшибательна для непривычного вестибулярного аппарата, как космическая невесомость. Из космоса местность, наверное, видится испещренной каналами, как поверхность Марса. Такую геометрию создали семь рек.

Самонадеянная местная бабушка начинает их считать, загибая пальцы.

— Во-первых, конечно, Кама. Потом, само собой, Мулянка. Дальше, эта самая, Батуиха. Сарабаиха и...

Следующий палец зависает, не подгибаясь. Три реки куда-то делись, ушли под землю, выветрились их названия. Только стоящий на въезде в село крашеный голубой краской магазинчик демонстрирует вывеской историческую памятливость: «Семиречье».

Уходят в землю и в недостижимую прорву забытья долетописные и почти современные события. Что там в начальной глубине или под сусально тонким слойчиком вчерашнего дня, редко кто стремится помнить. Может, прошлое отзовется тихим эхом со страниц огромной рукописной книги, переплет с которой содран, последние листы слиплись в комок папье-маше, а текст столь богат витиеватыми росчерками, что суть написанного неспециалисту разобрать совершенно невозможно. Но ведь о чем-то повествует эта инкунабула, что-то хочет рассказать нам, жителям третьего миллениума? Однако пылится безмолвно в музее села невостребованной «капсулой времени». А может, потаенные магические энергии сокрыты в медвежьем когте, коим некая знахарка Уткина зачерчивала зоб? Тоже музейный экспонат. В нижнемуллинс-

кой школе целых два музея, один посвящен собственно школе, другой — истории села в целом. Жаль только, что две комнатки в школьном здании редко перед кем доводится отпирать, а уж порядок там навести, на общественных-то началах, и вовсе ни у кого руки не доходят. Потому встречаются под мутным стеклом витрин такие странности, как «рог пещерного носорога» (вот и не говори после этого, что Россия родина слонов), обрывок ручных кандалов идентифицируется как кистень, а на тарелке ржавых лабазных весов лежит табличка «Каска немец.», хоть сама трофейная каска немецкого солдата находится совсем в другом углу.

Но, слава Богу, что хоть двери не нараспашку, и шторы стараются держать задернутыми, чтобы экспонаты не выцветали. Прошлое законсервировано для будущих поколений, которые могут оказаться более рачительными хозяевами времени.

На камском ли обрывистом берегу, в логах или посреди узкой плотины пруда, везде пространство, пронизанное убаюкивающе замедленным темпом своих искривлений, умягчает накопленное житейское раздражение, вымывает токсины усталости. Будто на землю эту никогда не заползали злобные блуждающие геопатогенные точки. Три тысячи лет люди селятся в этой местности. Наши предки не дураки были, знали, где учредить столицу гляденовского племенного союза.

— У нас люди добрые, — говорит фельдшерица с четвертьвековым стажем Антонина Ивановна Тудвасева.

Ей виднее. Это она на пять минут быстрее «скорой» добежала до места трагедии, где пьяный старик-постоялец ударил по голове топором хозяйского мальчика.

— Что, даже пропившиеся мужики добрые?

— Добрые. Они друг другу помогают выживать. Когда кому-то из них плохо, прибегают и меня на помощь зовут.

Здешний молодой парень, работающий в аэропорту Савино, большой поклонник фантастики, постоянно покупает книги, несмотря на их дороговизну. А как очередную прочтет, сразу дарит нижнемуллинской библиотеке. Стеллаж фантастики там почти весь укомплектован подарками этого книгочея.

Учительница музыкальной школы Екатерина Вотинцева взялась заниматься с мальчиком, из-за менингита практически потерявшим слух: так посоветовал сурдологопед. Сначала фортепиано осваивали на дому, потом Никита и в музшколу стал ходить, делает успехи. Завоевал приз зрительских симпатий на концерте. Правда, трактовка некоторых пьес у него получается более бравурная, чем надо бы. Как у Дениса Мацуева. Но дело в том, что музыку он воспринимает не как звук, а как вибрацию.

Не так давно к директору ДМШ Розе Сычиковой привели… двухлетнего малыша. Дело в том, что у старшего ребенка в семье обнаружились серьезные логопедические дефекты, и чтоб та же участь не постигла и маленького, решили прибегнуть к помощи музыки. Конечно, занятия со столь мизерного возраста начинать не полагается, да и найти подход к несмышленышу гораздо труднее, чем к пятилетнему хотя бы. Тем не менее, Сычикова «на пробу» за нелегкую задачу взялась, первые занятия прошли довольно успешно. Но приходят в детскую музыкальную школу и вполне взрослые люди. Их не смущает, что начинать приходится с нуля и творчески конкурировать с малышней. Обычно, проучившись четыре года и дойдя, как выражается Сычикова, «до романсов», прекращают учебу.

Покупал я в магазинчике с сохранившейся вывеской «Сельпо» сигареты, а тамошняя продавщица Инна Аликина оказалась самой настойчивой меломанкой. Когда привела в музшколу сына и дочь, сама тоже стала заниматься, уже шестой год пошел, и прекращать не собирается.

Даже в городском дорогущем бутике много ли найдется продавщиц, которые исполнят вам на фортепиано романс Шостаковича из кинофильма «Овод»?

***Ангелы и подземелья***

Молодежь здешняя, между прочим, не только млеет на дискотеках, но и берет на себя летописные труды. Школьница Катя Тодуа не только копалась в архивах, но и старожилов расспрашивала, создавая свод исторических фактов и устных легенд о церкви в Нижних Муллах. Ее начал строить по просьбам своих крепостных владевший селом князь Сергей Михайлович Голицын. После отмены крепостного права князь за свои деньги достраивать храм не захотел — а доведено было здание к тому моменту только до первого карниза. Возведение продолжили на средства местных жителей. Теплая часть храма с престолом во имя св. Александра Невского была завершена в 1875-м, а холодная летняя, Святотроицкая — в 1882-м.

Вообще предания об ангелах, как бы «дежурящих» при строящихся церквах, довольно распространены. Взять хотя бы константинопольскую легенду о возведении святой Софии при Юстиниане... В Нижних Муллах своя версия: ребенок забрался по строительным лесам под самый купол, сорвался и стал падать — тогда множество людей видело, как два ангела подхватили трехлетнюю девчушку и мягко опустили на землю.

Каменная плита у входа сообщала, сколько яиц пошло на скрепляющий раствор. Когда во время Великой Отечественной войны тумбы церковной ограды пытались разобрать, добыть, так сказать, дефицитный стройматериал, то кирпичи крошились, но из хватки яичного раствора не выворачивались. Увы, крепость ограды не повторилась в прочности самого строения. В 1931-м во время службы раздался грозный треск, и разошлась часть церковной стены. Уже в наше время при восстановлении куполов не сподобились сделать водяные сливы и стоки, поэтому в дожди по стенам текла вода. Карнизы отвалились. Иногда под давлением свода ломаются кирпичи, по всему зданию расползается треск. Что делать, дисциплина среди дежурных ангелов оставляет желать лучшего, даже у св. Софии купол вскоре после постройки обрушился, пришлось, восстанавливая, диаметр заужать.

В первые годы советской власти казалось, что нижнемуллинской церкви повезло. Кругом храмы закрываются, разрушаются, а на здешнюю святыню никто руку не поднимает. Позже настигла отложенная судьбой, а оттого удесятеренная по тягости напасть.

Еще одна легенда: будто бы из подвала церкви шли подземные ходы. Один — в церковно-приходское училище, что располагалось на другой стороне улицы. Якобы батюшка, преподававший в школе, появлялся в классе, хотя никто его переходящим через дорогу не видел. А другой ход вел в сторону Камы. И вот когда священников пришли арестовывать, они заперлись в церкви. Дверь сломали, но никого не нашли, храм был пуст. Ясное дело, батюшки через подземелье скрылись от атеистического преследования.

Роскошные фрески, которыми гордились сельчане, были уничтожены. Погибло множество икон. Нужно было сбрасывать колокола, но никто не решался взяться за такую работу. Наконец, нашелся некто по фамилии Некрасов. «Не я, так кто-то другой это бы сделал», — объяснял он свой поступок. Орудовал он на звоннице, а люди внизу плакали и проклинали его, и проклятия, как говорят, не втуне прозвучали: скоро у Некрасова умерла жена, а сам он ослеп и доживал свой век в одиночестве в крохотной каморке.

В церкви был засолочный цех, потом махорочная фабрика, потом склад совхоза «Большевик», далее она просто пустовала и даже пережила пожар. После которого через два года в Нижних Муллах с подачи Никиты Михалкова очутилась японская киногруппа, подыскивающая для фильма «Буран» (вышел в прокат с названием «Под северным сиянием») киногеничные российские виды. Так церковь попала в кинознаменитости. И родилась еще одна легенда: в интервью американскому специализиро-

ванному кинематографическому журналу японский режиссер сказал, что, вот мол, церковь в селе Нижние Муллы находится в ужасающем состоянии. Вот после сигнала иностранной прессы ее якобы и принялись реставрировать.

Уже и службы начались. Но потом решили расчистить подвал, и разбудили лихо: вытащили из-под земли проржавевшие бочки с ядохимикатами и ветхие бумажные мешки с дустом и нафталином. И рабочим, и находившимся в тот момент в церкви прихожанам пришлось оказывать медицинскую помощь. Концентрация отравы в воздухе превышала ПДК в 12 раз. Причт переехал во временное помещение. Церковь снова переживает вялотекущий процесс реставрации, коим занимаются трудолюбивые гости из Таджикистана. Сейчас они наводят лоск на интерьер.

Здание, конечно, не зодческий шедевр. Значительное разве что своими размерами, оно являет собой мощный, несколько приземленной коренастости объем. Новорусско-марсианские кубики смотрятся рядом с ним россыпью внучатых племянников.

### ...И немного о культуре

Культура, сказал губернатор Чиркунов, должна сама зарабатывать деньги. А мы добавим: и милиция тоже. Дойдет до того, что и армия научится. А уж чиновники всегда это умели и умеют.

Наиболее полный охват народонаселения культурой происходит в Нижних Муллах два раза в год. Девятого мая и в День пожилого человека. Местные торговые спонсоры, в очередной раз покочевряжившись, выделяют средства на выпивку и закуску. Тогда даже престарелые и неходячие берут бадожки и бредут в Дом культуры.

Представить, что кто-либо станет на селе приобщаться к культуре за личные наличные, затруднительно.

А вообще культура по мере возможности поддерживается на плаву. Дом культуры подремонтировали, покрасили фасад. Работают детские кружки. Поблескивают спортивные тренажеры. Прислоненные к стене новенькие этюдники ждут, когда детская музыкальная школа эволюционирует до школы искусств. Почти двухметровой длины деревянный ксилофон ожидает специальных палочек, поскольку принесенными из леса сучками на нем не сыграешь. Потихоньку пополняет фонды уютная библиотека, в которой инициативно образовалась литературно-музыкальная гостиная. Половина местных поэтов читает свои стихи, а другая половина пока стесняется. Порой литературно-музыкальные салоны проходят в формате совместного выхода за грибами. Школьные учителя все прочли в очередь «Географ глобус пропил» того же Иванова, и бросились покупать роман в личную собственность.

Работница школьной столовой, приятная дама средних лет, обиняками и намеками разведывает у директора ДК возможности культурно-романтического досуга для тех, кому за тридцать, не на кладбище же ей, в самом деле, ходить, как советовала героиня фильма «Москва слезам не верит».

— Школа арабского танца! — однозначно рекомендует директор.

### Эстафета адресатов

Если б еще на сорок лет замуровать в крепкую стену «капсулу времени», что имеет смысл сообщить, пообещать потомкам? Скорее всего, серьезная промышленность и конкурентоспособное сельское хозяйство в Нижних Муллах не возродятся. Местность разделит судьбу пригородных живописных окрестностей, превратясь

в зону особняков, усадеб и фамильных гнездовий: массовый исход из Перми, потерявшей городской облик, давно начался. Дезертируют уже не только богатенькие, уже и средний класс оседает в коттеджных поселках подальше от грязи, мусора, наркодилеров, автомобильных стад и постмодернистских монстров точечной застройки.

...Можно сколько угодно ворчать, ругать власть, тосковать по счастливой пионерской юности, грабить дачи марсиан, вообще остро переживать несправедливость мироустройства. Но мало ли слоев времени, как годовые кольца деревьев, чередуясь, накладывались друг на друга, то схожие, то непримиримо враждебные, как вода и масло, век за веком, лихо за злосчастьем? Нижним Муллам в 2013-м исполнится триста девяносто лет, годы и столетия оседали на возвышенностях и в низинках, формируя здешний геологический рельеф, характер жителей, образ их существования. Бродя по угорам и логам, замечаешь, как, просочившись из тектонических глубин памяти, широкоскулые гляденовцы заговаривают медные фигурки животных, птиц и насекомых, вселяя в них души умерших предков. Трифон Вятский неполиткорректно сводит под корень ни в чем не повинную еловую экологию. Тени пепеляевских солдат на берегу Батуихи секут саблями бывшего гвардейца Финляндского полка, ныне местного большевика Ивана Ташлыкова. Вот и сейчас очередная историческая эпоха накрыла существование необоримой базальтовой толщей, равнодушная к писку раздавленных неудачников и радостному клекоту хозяев жизни, подскочивших на кочку фортуны. Смиряясь с неизбежностью, остается только дуреть — от халявных миллионов или от паленого спирта. Но время не равнозначно предопределенности судьбы, оно всегда структурировано на развилке выбора. Можно бездеятельно поддержать сползание к первобытной дикости, а можно нащупать зародыши добра и приложить свою силу к вектору оптимистичного сценария. Человек хозяин времени, а не наоборот. По крайней мере, в это хочется верить.

## *Разбойный тракт казанский*

Это только малосведущий горожанин полагает, что шоссе Космонавтов за границей Перми плавно переходит в знаменитый Казанский тракт. На самом деле сей великий военно-торговый путь изначально располагался ближе к Каме, не обходя, как нынче, а по самой сердцевине прорезая окрестные поселки и деревни: Юго-Камский — Болгары — Култаево — Савино — Кондратово... Старый тракт существует до сих пор, где-то сохраняя свое транспортное значение, а в иных местах сделавшись пресловутым «направлением», одолеваемым разве что «уазиками». В гужевую эпоху деревеньки и сельца, севшие на тракт, являли собой необходимые узлы сервисной инфраструктуры. Они росли и богатели как промежуточные пункты коммерческих потоков, сшивавших Урал с Россией, смыкавших строгановские заводики с камскими пристанями.

Над Юго-Камским «тучи ходят хмуро», тяжело цепляясь за вершины окаймляющих поселок гор: Красной, Кобыльей, Каравашкой и Костяной. Темнеет вода в заводском пруду, как народный гнев. Завод то работает, то остановится, собственники никак не могут поделить между собой промышленное имущество, причем дело едва не доходит до стрельбы. А оставшиеся без средств к существованию заводчане грозятся перекрыть «КамАЗами» федеральную трассу. Правда, Путин на голубом вертолете к ним не прилетал, к бунтовщикам, перекрывающим что-нибудь федеральное, вместо премьера стал прилетать ОМОН. В Юго-Камском же выезд на дорогу «Оса — Пермь» в критический момент накрепко блокировали гаишники.

Помнится, еще в 1998-м заводчане бастовали и устраивали митинг из-за полугодовой задержки зарплаты. Ох, не надо бы доводить югокамцев до крайности. Ведь

именно при вспышке спонтанной ярости местные жители после революции 1917-го утопили в пруду бюст царя-освободителя Александра II, на который сами же собирали деньги в не менее революционном 1905-м. И вообще они народ вспыльчивый, скорый на расправу и склонный к бунту. Думаете, почему гора на окраине называется Кобыльей? Вовсе она не похожа на лошадь. Дело в том, что у ее подножия когда-то располагались казармы, где жили рабочие, и там же был установлен специальный станок для порки — «кобыла». Что-то не приходилось встречать упоминания о применении столь жестоких воспитательных средств на других Строгановских заводах. А тут приспособление для экзекуций даже в топонимике отразилось... Видно, часто его в дело приходилось пускать.

Издавна югокамцы привыкли дергать в лесу мох, заготавливать банные березовые веники, а то и дрова на зиму, причем «за так» и ни у кого не спрашивая. Ныне же у леса появился законный арендатор, среди сосен на квадроциклах раскатывают охранники. Хочешь дров — плати. Все по закону и, наверное, даже по справедливости. Однако... Темнеет вода в заводском пруду.

Условия местности, что ли, тут такие, смирению и непротивлению злу не способствующие? Вон даже шершни по окрестным лесам летают агрессивные и большущие, как «Су-27»... Ну, почти.

Югокамцам палец в рот не клади. До работы они сердиты, трудиться умеют, в царские времена поселок был весьма зажиточным. Однако и нежданное богатство, по-нынешнему халява, многих соблазняло. Кто клады искал, а кто золотой песок в окрестных речушках обнаружить пытался. И легенды о местных разбойниках имеют под собой оч-чень веские основания.

Издавна на вершине одной из ближайших к поселку гор находили кости. Гору так и прозвали: Костяная. Считалось, что там жили разбойники, кормились охотой, мясо обгладывали, а мослы разбрасывали. Когда археологи установили, что кости — человеческие, легенда приобрела уж вовсе жуткий оттенок. На самом деле на вершине Костяной располагаются остатки городища и могильника гляденовской культуры III — V веков н. э. Но, как многие уверены, где-то на Костяной пламенный мотовилихинский экспроприатор Александр Лбов закопал награбленное.

Историю эту передают так. Крестьяне деревни Пашни вдруг встретили выезжающих из лога всадников, и с ними три подводы. «Я Лбов! — прокричал главный. — Всем лечь на землю и не шевелиться. А когда услышите выстрел, можете подняться и забрать себе эти три подводы».

Знаменитый бандит... То есть, революционер... То есть... Ну, в общем, народный герой в Юго-Камском, действительно, бывал. Только заводская касса в то время была пуста. Так что он удовольствовался тем, что оставил романтичную записку: «Вас посетил Лбов».

Когда Аркадий Гайдар написал повесть «Жизнь ни во что», он упомянул и о примете, по которой можно найти клад Александра Лбова: идти вниз по речке Юг, от четвертого родника подняться вверх по Костяной горе до трех сосен. Когда повесть вышла в «Звезде», что тут в Юго-Камском началось! Чуть гору не срыли!

Кладоискательский ажиотаж повторился, когда местный журналист и краевед Алексеев опубликовал в газете «Югокамский труженик» статью про легендарный лбовский клад. В редакцию пришел насупленный мужчина и с порога злобно заявил, что эта статья ему всю душу истерзала. Оказалось, он чуть ли не с детства этот клад искал, со временем вроде успокоился, а тут ему опять напомнили...

— Но сокровища-то вовсе не в горе зарыты, — поделился мнением мужчина, когда малость угомонился. — В Юго-Камском у Лбова родня жила, так вот в подвале-то их дома золото и запрятано. Только вот где этот дом, не знаю...

А предания о разбойниках существуют и в роду самого краеведа. Есть в поселке полуразрушенная Святотроицкая церковь. Когда-то была пятиглавая, трехалтарная

и, говорят, побольше, чем ныне чудесно отреставрированная култаевская. И вот когда ее еще только строили, прадеда Алексеева отправили вместе с еще одним местным жителем на двух подводах в Пермь. За деньгами, которые епархия выделила на строительство. В Перми же к прадеду подошел пьяненький мужичонка и стал нагло требовать на водку. «Чего это я вдруг поить тебя должен?» — презрительно поинтересовался югокамец. «А того, — объяснил пьяненький, — что я разговор один подслушал. Ограбить вас собираются!»

Предупреждению прадед значения не придал. Выехали они с товарищем из Перми по Казанскому тракту и покатили домой. Это сейчас на авто до Юго-Камского можно быстро долететь, а тогда приходилось останавливаться на ночлег в какой-нибудь из деревень вдоль тракта. Проходил он не там, где сейчас асфальтированная трасса, а чуть ближе к Каме.

Если придется ехать на Юго-Камский, то после подъема сразу за Болгарами повнимательней посмотрите на правую обочину. Там через некоторое время мелькнет указатель «Село Степаново». Не поленитесь свернуть и заехать. Интересное местечко. Раньше называлось: деревня Убиенная. Сейчас этот населенный пункт малолюден, горожане-пермяки свои дачки и загородные поместья почему-то здесь располагать не спешат. Видимо, сохранилось в пейзаже Степанова нечто зловещее. Поскольку именно в деревне Убиенной, по легендам, разбойники сбывали перекупщикам свой хабар, да и с хозяевами постоялых дворов вступали в сговор, чтобы устраивать засады на путешествующих людишек, которые при деньгах.

И вот прадед в Убиенной как раз остановился, пьет чаек у открытого окна, и видит, как по тракту пронеслась со стороны Перми лихая тройка с какими-то господами. Он даже внимание хозяина постоялого двора на эту тройку обратил.

— Да, господа... — неопределенным тоном подтвердил хозяин, и эта уклончивая неопределенность не понравилась югокамцу. Вспомнилась пьяная болтовня встреченного в Перми незнакомца. И решил прадед от греха подальше, то есть от деревни Убиенной, выехать, на ночлег не останавливаясь.

— Куда же вы, на ночь глядя? — забеспокоился хозяин.

Но прадед был непреклонен. Выбрались на тракт и пустили лошадей во весь опор. Глядь, а навстречу уже тройка с «господами» несется. Видно, была у них с хозяином постоялого двора договоренность: если две подводы с епархиальными деньгами на дороге не появятся, значит, возниц уговорили ночевать в Убиенной, там-то их сонных и порешить можно...

— Гони! — сказал прадед своему товарищу. — А как с тройкой поравняемся, резко к обочине сворачивай.

Так и поступили. Разбойники пронеслись мимо. А тройку на дороге развернуть — на это время надо. Когда душегубам развернуться удалось, югокамцы уже далеко были. «Догадались!..» — донеслось им вослед.

А еще есть в Юго-Камском старинный дом, в котором при советской власти был магазин. Его все неофициально называли «Петуховским». Жили на том месте в давние времена некие Петуховы, люди небогатые, дом имели деревянный. Однажды остановился у них на ночлег возвращавшийся из сибирской ссылки «политический». Петуховы приметили, что путник как-то очень бережно обращается со своей тростью, и вообще трость у него толстая и, по-видимому, тяжелая. Пока «политический» спал, хозяева эту трость стащили и расковыряли. Внутри она оказалась полна золотых монет. Утром бывший ссыльный проснулся, хвать — а трость-то пуста. «Помилуйте! — воззвал он к совести хозяев. — Я эти деньги долгие годы копил. Мне дочь замуж выдавать надо. Верните». Но Петуховы от подозрений открестились, а путник... повесился. Дела семейки после этого пошли в гору, вместо деревянной избы обзавелись Петуховы добротным каменным домом. Наставительной концовки сюжета о неизбежном возмездии история не сохранила.

Но это все истории сравнительно недавнего времени. Разбойничий промысел завелся на берегах впадающей в Каму речки Юг в самую стародавнюю пору. Занимались разбоем обыкновенные крестьяне. У них на горе Калиновой (самой высокой, триста метров) был оборудован наблюдательный пост. Оттуда было видно всю Каму от Таборов до Осы. С Калиновой заметят речной купече-ский караван, дают сигнал, крестьяне прыгают на коней и скачут к берегу, где уже припасены лодки. Однажды добыча оказалась небывало весомой: серебряные слитки. Сбыть их не так-то просто. И решили разбойнички до поры до времени утопить добытое в соседнем с горой озере Тритоновом, что образовалось на месте карьера Верхнего, так называемого Варваринского, завода.

С тех пор, как заводом владела Варвара Шаховская, в девичестве Строганова, минуло много лет. Но серебряный клад в Тритоновом озере до сих пор многим покоя не дает. Один югокамец даже канаву прокопал, часть воды сумел спустить, но серебра так и не нашел. От разочарования он свихнулся и шатался по окрестным лесам, пока не сгинул. При советской власти благоразумные школьники взяли пробу воды из Тритонового озера на анализ, но ионов серебра не обнаружили.

Зато не умирает легенда, будто одна крестьянская семья в окрестностях завода «вся в золоте ходила». Якобы отец семейства в секретном ручье золотой песок намывал. Завистливые люди приступили к нему и потребовали, чтоб он им указал заветное место. Мужик согласился, завел завистников в лесные дебри, а там от них и сбежал.

Но от зависти людской не убежишь, она и через столетия настигает. В той деревеньке до сих пор живет одна совсем пропившаяся бомжиха, как раз из той фамилии, что «вся в золоте ходила». Так к ней заявились современные «братки». Они настолько продвинутые были, что рылись в Екатеринбургских архивах и там обнаружили следы югокамской «золотой» легенды. Приехали и потребовали: продай нам свою землю — Морозовский хутор. Бомжиха только тем и отговорилась, что земельного пая у нее давно никакого нет, все наследство предков давно спустила.

Из разбойничьих местных преданий следует извлечь урок: не надо югокамцев до отчаяния доводить. Не зря ведь в строгановские времена подобные поселения при промышленных предприятиях назывались именно «заводами». Живет предприятие — жив и поселок. Бойлерная, водопровод, канализация — все на балансе у Юго-Камского машзавода. Если нынешние «братки» в костюмах от Армани закроют его — значит, вполне по-душегубски, как их давние легендарные предшественники, совершат убийство. Убьют на юго-камской территории всякую цивилизованную жизнь. Поставят крест на почти двухсотлетней истории поселка, ставшего родиной для многих прославивших Прикамье выдающихся людей. Петра Константиновича Чудинова, например, ученика знаменитого палеонтолога и фантаста Ивана Антоновича Ефремова. Именно Чудинов проводил раскопки остатков звероящеров палеозойской эры под Очером.

В самом деле, не в кладоискатели же безработным заводчанам подаваться, сокровищ легендарных или золотых россыпей в окрестностях так ни разу и не находили. Кости пермских рептилий Чудинов уже давно выкопал. А если югокамцы снова за кистени возьмутся и выйдут на трассу «Оса — Пермь»... Ой, не надо нам новых зловещих легенд про лихих людей, эта земля и без того леденящими кровь преданиями богата.